

А.В. Шалак

О СУЩНОСТИ И ХАРАКТЕРЕ ВНУТРЕННЕЙ МОТИВАЦИИ ТРУДА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

Проблема мотивации труда является одной из ключевых для объяснения социально-экономических процессов, имевших место в нашем недалеком прошлом. Исследование этих вопросов позволяет гораздо точнее реконструировать социальную действительность, объяснить логику поведения людей в определенной конкретно-исторической ситуации, причем не только в экономической сфере. Решить данную проблему невозможно без использования методологического инструментария других наук. При этом требуется достаточно четко разделить задачу стимулирования процесса труда и мотивацию труда, поскольку между этими явлениями связь в большей степени косвенная, опосредованная, нежели прямая.

Важнейшей составляющей мотивации труда является внутренняя мотивация. Если стимулирование процесса труда можно изучать (и изучается) историками на основе нормативных документов и широкого привлечения архивных и других источников, то изучение внутренней мотивации является более сложной научной задачей и только усилиями специалистов в области истории самостоятельно ее решить вряд ли возможно. Исследование данной проблемы предполагает реконструкцию общественного сознания в определенный исторический период. Следовательно, проблема имеет междисциплинарный характер и требует подключения к ее исследованию, как минимум, «чистых» историков, этнографов, культурологов, специалистов в области исторической психологии и социологии. Причем наибольшую сложность представляет именно реконструкция внутренней мотивации труда (психосоциальных факторов) применительно к конкретному историческому периоду, региону, ситуации, группе. Изучение психосоциальных факторов включают в себя ана-

лиз сплоченности группы, в которой работает индивид, а также атмосферы на рабочем месте, взаимоотношения с руководством, удовлетворенности работником своим трудом, формирование у него самой установки к творческому труду, осознаваемых желаний, мотивов и другое. Рассмотреть все аспекты многофакторного влияния на формирование мотивации труда у работника или группы работников в определенный исторический период только на основе архивных источников вряд ли возможно.

С учетом вышеизложенного, можно лишь порадоваться появлению на свет одной из первых в стране монографий по истории Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), в которой исследуются внеэкономические факторы трудовой мотивации через призму общественного сознания*.

Поскольку эта тема не нашла глубокого отражения в исторической литературе, в монографии В.А. Сомова серьезное внимание уделяется методологическим основам ее изучения. В качестве таковой автор называет диалектико-материалистическое понимание истории. Может показаться, что в выборе методологии исследования автор не оригинален, но нам представляется такой подход оправданным, поскольку марксистское понимание (не «марксистско-ленинское») процессов развития общества по-прежнему остается наиболее фундаментальной основой исторического исследования, по крайней мере, на макро уровне. В совокупности с методами психологии и социальной психологии (чего явно недостает в материалистическом понимании исторических процессов) этот подход позволяет реконструировать структуру общественного сознания и объяснить, исходя из этого, мотивы деятельности как отдельных персонажей, так и больших социальных групп в локальной обстановке.

Хорошее впечатление оставляет изложение историографии темы. Автор монографии выделяет шесть периодов в ее исследовании. И хотя по предложенной периодизации возникают вопросы, отметим, что эволюция точек зрения на мотивацию труда в годы Великой Отечественной войны изложена весьма последовательно. Источниковую базу исследования составляют

---

* Сомов В.А. Потому что была война...: Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2008. 234 с.

материалы прокуратуры, цензуры всесоюзного радио, советские плакаты, источники личного характера (письма, дневники).

Трудовое поведение понимается автором как выраженное действием или бездействием отношение человека к труду и его результатам, а мотивационные факторы — это та среда, которая оказывает влияние на формирование мотивов, которые в конечном итоге и определяют трудовое поведение (С. 6).

При этом автор монографии отмечает, что в тяжелейших условиях войны заинтересованность трудящихся в материальной выгоде как мотивации труда не имела решающего значения. На сегодня это весьма распространенная точка зрения, имеющая отношение не только к военному периоду. К сожалению, с легкой подачи отдельных публицистов от науки в исторической литературе в конце 1980-х гг. утвердился подход, согласно которому, в условиях действия административной системы экономическое развитие осуществлялось исключительно посредством команд и директив. Подход этот представляется излишне политизированным, игнорирует очевидные факты и конкретно-историческую ситуацию. Стимулирование труда в годы войны и в послевоенный период могло опираться только на имеющиеся ресурсы, а они по известным обстоятельствам были весьма ограничены. В то же время нельзя говорить об отсутствии системы мотивации труда даже в этот период. Исследование, проведенное автором данной рецензии на примере Восточной Сибири, позволяет утверждать, что материальная мотивация в годы войны играла весьма важную роль и осуществлялась в трех основных формах: через заработную плату, через перераспределение товарных потоков, через дифференциацию карточной системы снабжения¹. Хотя с позиций либеральной интерпретации истории экономики, где главным является извлечение прибыли и материальное благополучие индивидов, это такая «мелочь», которую можно и проигнорировать.

Исследование мотивационных факторов нематериального характера также имеет очень важное значение. Причем в рецензируемой работе В.А. Сомова речь идет не только о мотивирующих, но и демотивирующих факторах, оказывающих влияние на трудовое поведение. Трудовое поведение, направленное на достижение конструктивной цели (Победы), оценивается как конструктивное поведение (мотивирующие факторы) и наоборот.

В рассматриваемой работе исследуются политико-правовые, информационно-идеологические и морально-психологические факторы трудовой мотивации. Первая группа факторов в настоящее время изучена достаточно всесторонне, особенно это имеет отношение к советскому трудовому законодательству. Однако осуществление данного анализа на основе междисциплинарного подхода, прежде всего с учетом теоретико-методологических подходов современной социальной психологии, позволяет во многом по-новому посмотреть на уже, казалось бы, изученные вопросы.

Автором отмечается, что советское трудовое законодательство в основном имело «репрессивный характер» (С. 61). Однако, как совершенно справедливо подчеркивает В.А. Сомов, этот характер законодательства был обусловлен не абстрактной сущностью советского политического режима, а продиктован конкретными обстоятельствами того времени. Еще в 1934 г. И.В. Сталин, выступая на XVII Съезде партии, сказал: «Дело явным образом идет к новой войне»². Именно этим был продиктован целый ряд Постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б) в области трудовых отношений в конце 1930-х гг.

Хочется отметить, что автор последовательно на протяжении всего исследования придерживается критерия объективности в своем историческом исследовании. Рациональность применяемых мер он оценивает не с позиций «современных подходов», а с позиций прагматизма действий власти в тех конкретно-исторических условиях. Но если эти меры работали на Победу и обеспечивали выживание народа, его культуры, тогда закономерно возникает вопрос, насколько вообще верна характеристика советского трудового законодательства как репрессивного?

Следует только отметить, что ценность рассуждений автора в этой части работы значительно бы возросла, если бы они были проиллюстрированы обобщенным эмпирическим материалом на примере региона, конкретного трудового коллектива. Речь о том, в какой степени данные указы улучшили состояние трудовой дисциплины, снизили количество прогулов, опозданий на работу, количество брака на рабочем месте и т.д. Насколько эффективно сработали данные «репрессивные указы» накануне войны и в годы войны. А в этом и есть критерий эффективности мотивации труда внешнеэкономическими факторами. Создается

впечатление, что автор в большей степени ориентируется на поиск указаний принуждения к труду, прописанных в определенных документах, а не на анализ создания системы трудовых отношений, где одним из побудительных мотивов выполнения установленных заданий являлись принудительные меры.

Бытовые проблемы, невозвращение из административного отпуска, поездка в деревню за продуктами и одеждой, неудовлетворенность условиями труда, самовольная резвакуация — основные причины снижения трудовой дисциплины и снижения интенсивности труда в 1941–1945 гг., которые рассматриваются в монографии как демотивирующие факторы (С. 76). Вывод автора в этой части исследования весьма объективно отражает деятельность органов власти в данном направлении. Автор пишет: «...на наш взгляд неверно говорить о существовании “полицейской”, “казарменной” мотивации труда в годы Великой Отечественной войны. Административно-правовые методы в полной мере распространялись только на тех рабочих, которые не воспринимали иных методов, а репрессивные, принудительные меры касались только нарушителей закона... принудительные административно-правовые методы усиления трудовой мотивации были лишь частью намного более вариативной системы» (С. 80). С таким выводом, бесспорно, можно согласиться.

Политический контроль в монографии В.А. Сомова рассматривается как контроль за политическими формами активности граждан. Дискретное отношение к образу власти или образу Родины в сознании трудящегося могло стать (и нередко становилось) демотивирующим фактором. Подобные настроения в большей степени были присущи сельскому населению, эвакуированному из западных областей (обладали определенной информацией). Особенно негативно, отмечает автор, влияли эвакуация и поведение руководящих работников.

Функционирование системы политического контроля не обошлось без серьезных ошибок. Автор работы объясняет их двумя обстоятельствами: во-первых, личными качествами работников правоохранительных органов, во-вторых, слишком широким полем для трактовки состава правонарушений, что в совокупности нередко приводило к «сбоям» в работе. Поэтому, как и любая система, в качестве основного компонента которой выступает

человек, со своими индивидуальными особенностями, система политического контроля не была лишена изъянов. В ее работе порой допускались излишне жесткие необоснованные приговоры, выбивание показаний из подозреваемых, которые могли привести к негативному отношению к власти и усилению демотивирующих факторов. В целом же, как отмечает автор монографии на основе конкретных примеров, репрессивная система действовала в соответствии с обстановкой военного времени и старалась не допускать огульных арестов и необоснованного обвинения. Только Победа оправдывала политику в области трудовых отношений. Сомнения в способности достичь этой цели, по сути, лишали смысла сознательный высокоинтенсивный труд. Именно поэтому настроения трудящихся становились предметом постоянного контроля со стороны власти. Наличие и функционирование системы политического контроля во многом обеспечило высокую степень трудовой мотивации и четкую работу тыла в годы войны.

Информационно-идеологические аспекты формирования трудовой мотивации подробно рассмотрены во второй главе монографии. Посредством информационно-идеологического контроля власть стремилась снизить степень деструктивного влияния демотивирующей информации на поведенческую активность населения. Особое внимание в связи с этим уделялось радиовещанию. Центральное вещание перешло от трех программ к одной, изъятию подлежали все радиоприемники, находившиеся у населения на руках. Поскольку от степени уверенности граждан в неизбежности Победы напрямую зависела мотивация труда, исключалась даже косвенная информация, позволявшая усомниться в бесчеловечности врага. Таким образом, с точки зрения автора, цензура в тех условиях была абсолютно оправданной, она усиливала уверенность людей в своих силах, в правильности действий властей.

В работе подробно исследованы формы информационного воздействия на общественное сознание. В то же время, сложно сказать на уровне фактов, в какой степени это являлось мотивирующим фактором. Рассчитать, обосновать, конкретизировать роль информационно-идеологических аспектов в области мотивации труда в сфере производства очень трудно, если это вообще выполнимая задача. Думается, что не совсем удалось решить дан-

ную проблему и автору монографии. Представленная в этой части информация в большей степени соответствует исследованию по истории информационной войны в годы Великой отечественной войны, темы, к слову, очень актуальной. Объективно же — это проблемы в большей степени не исторического исследования, а исследования по истории социальной психологии, манипулированию общественным сознанием. Применительно к нынешнему уровню исследования подобных вопросов, возможно, логичнее было бы говорить об информационной раскрутке определенных тем, починов, движений, насколько они грамотно осуществлялись с точки зрения современных познаний в области социальной психологии, и к каким непосредственно результатам это приводило на примере конкретных показателей отдельных отраслей, производств, хозяйств. Эмпирического материала по этим вопросам достаточно много, что позволит увязать воздействие на общественное сознание с реализацией мотивации в сфере производства.

Данный аспект имеет отношение и к таким визуальным формам воздействия на мотивацию труда как плакаты. Автор совершенно справедливо отмечает «Усиление мотивации труда, увеличение его производительности — главная цель плакатов, посвященных трудовому героизму тыла» (С. 121). Однако и здесь важно не только описание плакатного изображения и внедряемых в общественное сознание образов, но и объяснение, подтверждение на уровне фактов, как это способствовало усилению мотивации труда, росту производительности труда, к каким результатам приводило. Важно также исследовать широту деятельности в этой сфере (тираж выпуска плакатной продукции), разнообразие, направленность. Работа — не простая, требует усилий многих историков и достаточно много времени. Монография В.А. Сомова является одним из первых исследований в данной области, и сложно требовать, чтобы в ней были рассмотрены все аспекты большой проблемы. Это все равно, что в одной монографии по истории экономики военного периода осветить все детали экономического развития страны.

В целом же, существование информационно-идеологического контроля в период Великой Отечественной войны, при всем его очевидном несоответствии сегодняшним тенденциям оценивать прошлое по критериям «демократии» и «свободы»,

дает серьезные основания автору говорить о нем не только как о продукте эпохи, но и как о факторе, способствовавшем достижению Победы. Поэтому трудно согласиться с распространенным мнением о сущности информационно-идеологического контроля лишь как о способе сохранения власти. «Образ трудящегося, создаваемый в условиях информационно-идеологического контроля, также был направлен на формирование позитивного примера для подражания, конструктивного образа, усиливавшего мотивацию труда», — отмечает автор монографии (С. 125). Вывод, с нашей точки зрения, абсолютно правильный.

В рамках информационно-идеологического воздействия на мотивацию труда в монографии В.А. Сомова исследуется влияние слухов религиозного содержания. Автором представлена хорошая зарисовка о том, как преследовалось распространение слухов на уровне законодательных норм. Любая интерпретация текущих событий, расходящаяся с официальной линией, могла повлечь за собой уголовную ответственность. Тяжесть этого преступления, по определению органов власти, заключалась в том, что совершивший его гражданин вольно или невольно оказывал помощь врагу. Для определения состава преступления требовалось доказать, что слух является ложным и что его пытались распространить среди населения. На практике же ложным считалось все, что не соответствовало официальной информации власти. Степень наказания зависела от определения цели распространения слуха (умысел, либо по неосторожности).

Искаженная (ложная) информация оказывала влияние на мотивационный выбор индивида и во многом определяла его поведение. Слухи воздействовали на прогностические компоненты сознательной деятельности, придавали пессимизм ожиданиям. В этом заключался демотивирующий потенциал слухов. Здесь только следует отметить, что демотивирующий потенциал слухов имел отношение в основном к начальному периоду войны. Об этом свидетельствует приведенная в монографии информация о их распространении. А что было впоследствии? Вообще слухи исчезли или получили новое развитие, в том числе и мотивационное?

В качестве отдельной проблемы в монографии рассматриваются религиозные слухи. Поскольку позиция РПЦ была чет-

ко определена с начала войны, речь идет о представителях отдельных сект, члены которых отказывались служить в армии, поскольку по религиозным убеждениям не могли взять в руки оружие. Как правило, ими являлись представители «Истинно-православной церкви», отколовшейся от РПЦ еще в 1920-е гг., группы сектантов-хлыстов, старообрядцев. В какой степени их деятельность носила деструктивный характер в годы Великой Отечественной войны, выявить непросто. Дело в том, что для подавляющего большинства представителей этих религиозных направлений были традиционно свойственны апокалипсические настроения и негативное отношение к власти. Неслучайно автор монографии оговаривается, что степень влияния религиозных слухов на трудовую мотивацию определить весьма сложно. В большей степени речь идет об установлении самого факта влияния религиозных слухов, распространяемыми отдельными и немногочисленными сектами, на трудовую мотивацию.

В связи с этим было бы уместно предпринять экскурс в историю этого вопроса: насколько изменилось у религиозной части населения отношение к труду и к власти в годы войны. Есть ли вообще основания рассматривать религиозные чувства как демотивирующий фактор производства? Представители отдельных сект не желали служить в армии, брать в руки оружие, но в какой степени это влияло на их отношение к труду? У какой части населения мотивация труда была выше: у верующих или атеистов? Государство, пресекая возможность использовать религиозные чувства как демотивирующий фактор, подавляло «свободу мысли», «совести» или выполняло чрезвычайно конструктивную роль, поскольку любое ослабление идеологии, тем более в период войны, неизбежно ослабляло и государство? Изучить эти вопросы на уровне конкретного исторического исследования также не просто, по причине их слабого отражения в источниках.

Однозначно позитивно автором оценивается проявление религиозности в качестве мотивирующего фактора только в рамках церковной организации (РПЦ, Ислам). «Патриотическая позиция, выраженная в выступлениях церковных иерархов, стала доминантой религиозной идеологии в период войны, и это придавало религиозным чувствам верующих конструктивный характер» (С. 150).

Важное мотивирующее влияние оказывали также получаемые письма с фронта. Ожидания, ощущения, надежды, выраженные в письмах к родным, рассматриваются автором с точки зрения ментальной связи с домом, которая оказывала не меньшее, чем официальная информация, влияние на социальные настроения в тылу. В письмах содержалась самая разнообразная информация. Характерная черта военной корреспонденции — прямой призыв к интенсивному труду, как к средству достижения Победы. В этом смысле «письма с фронта активизировали в сознании людей конструктивные поведенческие императивы...» (С. 162).

Морально-психологические факторы воздействия на трудовую мотивацию излагаются в четвертой главе книги. Психическое состояние реконструируется на основе источников субъективного происхождения (мемуары, дневники). Следует отметить, что изучение этих вопросов в большей степени, чем других, основано на использовании научных открытий в области социальной психологии и применяемого этой дисциплиной методического инструментария и понятийного аппарата.

Деструктивное воздействие на сознание людей оказывало несоответствие довоенных представлений о грядущей войне, сформированных официальной пропагандой, негативной информацией о территориальных потерях, о поражениях Красной Армии. От бомбежек, вида разрушенных зданий, погибших людей люди испытывали состояние, близкое к шоку. Следствием этого явились паника, страх, эффект толпы, что также дезорганизовывало производство. Автор, опираясь на дневниковые записи, отмечает интересную психологическую деталь: налеты фашистской авиации только на первых порах вызвали панический страх. Уже через месяц подобные события люди воспринимали совершенно по-иному, нередко иронизировали по поводу своих прошлых страхов. Все чаще население во время налетов не покидало квартиры, а рабочие — свои места у станков. Отмечается автором в этом и позитивная роль государства. Основная смысловая нагрузка в официальных информационных сообщениях сводилась к тому, чтобы по возможности снизить тревогу и ощущения о возможном поражении. Часть информации о тяжелейшем положении на фронте не доводилась до населения и постоянно проводилась мысль: «Не так страшен черт,

как его малюют». Одновременно постоянно повторялся тезис о неизбежности Победы в этой войне. После коренного, перелома в войне информация о военных действиях не только не скрывалась, но напротив, стала самой распространенной на страницах газет и передачах по радио.

Одной из важнейших составляющих внеэкономической мотивации труда в годы войны являлось воспитание коллективной ответственности и чувства долга. Формирование коллективной ответственности начиналось со школьной скамьи. Огромная роль в этом принадлежала пионерской организации. Автор монографии подробно останавливается на истории этого вопроса. «Как бы мы сегодня не оценивали сущность и последовательность советской коммунистической морали, необходимо признать, что в условиях Великой Отечественной войны именно она стала мощным духовным стимулом самоотверженного интенсивного труда на заводах, фабриках, в колхозах и совхозах. Ответственность за страну, за данное обязательство, торжественное обещание, клятва, чувство долга перед страной — эти определения далеко не исчерпывающие понятие коммунистической морали, большинством трудящихся воспринимались как реально действующие нравственные императивы, во многом детерминирующие трудовое поведение» (С. 206).

К конструктивным качественным характеристикам психики человека военного времени автор также относит волю к жизни, преимущественное наличие коллективистской психологии, веру в Победу и доверие к власти. Важным мотивирующим фактором поведения людей в этот период являлось также восприятие образа Сталина. Данная проблема рассматривается автором на основе оценки материалов писем, их психологической интерпретации. Однако здесь также возникает серьезная проблема: чтобы признавать подборку цитат, писем, высказываний и т.п. репрезентативной, требуется не только ссылка на документ, но и обобщение цитируемых источников, соотнесение их с определенной социальной группой, периодом, регионом. Это позволит осуществить исследование не только на стыке с социальной психологией, но и исторической социологией. Одновременно это помогает избегать такого обильного цитирования типичных документов. На отдельных страницах чуть ли не на каждое

предложение делается ссылка. Понятно стремление автора опираться на более широкую информационную базу, но текст в этом случае теряет авторский характер, в большей степени представляет собой компиляцию различных точек зрения.

Оценивая в целом монографию В.А. Сомова, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что, благодаря подобным междисциплинарным исследованиям, исторические события, даже нашего недалекого прошлого, познаются более глубоко и всесторонне, а, следовательно, их выводы в наибольшей степени соответствуют важнейшему научному принципу — объективности. Монография В.А. Сомова не только обобщает интересный материал, но и в научном плане является весьма актуальным изданием, позволяющим осмыслить возможные варианты исследования аналогичных тем.

Примечания

¹ См., например: Шалак А.В. О формах материального стимулирования труда в условиях карточной системы распределения (на примере Восточной Сибири 1941–1947 годов) // Историко-экономические исследования. 2002. № 1; Он же. Формы стимулирования труда в индустриальном секторе народного хозяйства Восточной Сибири в 1940-е гг. // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: ежегодник. Вып. 4. Москва-Волгоград, 2002; Он же. Особенности и формы материального стимулирования труда в сельском хозяйстве Восточной Сибири в 1940-е годы // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2002. Иркутск, 2002; Он же. Особенности и формы мотивации труда в индустриальном секторе народного хозяйства (на примере Восточной Сибири 1940–1950 гг.) // Силосы структуры России и военные конфликты. Иркутск, 2005; и др.

² Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. 10-е. М., 1937. С. 544.